

Семенович Владимир Николаевич

**Север России в военно-морском и
коммерческом отношениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Николаевич С.**
Север России в военно-морском и коммерческом отношениях / Семенкович Владимир
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 151 с.

ISBN 978-5-519-85253-1

ISBN 978-5-519-85253-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПИСЬМА О СѢВЕРѢ.

Нашъ Сѣверъ все болѣе и болѣе привлекаетъ всеобщее вниманіе: съ одной стороны, интересуются имъ,—по разнымъ причинамъ,—и наше общество, и печать, и различныя ученыя учрежденія,—что очень хорошо, конечно, и желательно, чтобъ этотъ интересъ не уменьшался и впредь; съ другой стороны, Сѣверъ нашъ заинтересовалъ нашихъ сосѣдей — Англичанъ, Нѣмцевъ, Норвежцевъ,—и они принялись его изучать съ такою настойчивостію, которая показываетъ, что дѣло идетъ здѣсь не объ однихъ научныхъ интересахъ, а и объ извлеченіи изъ этого нашего достоянія практическихъ выгодъ, на что господа иностранцы такіе мастера.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и побуждаетъ меня постараться разяснить вопросъ о нашемъ Сѣверѣ, по возможности, подробно, дабы можно было судить, стоить ли намъ оставлять эту нашу исконную „дѣдину и отчину“ на произволъ судьбы и иностранцевъ, какъ это теперь дѣлается, — или слѣдуетъ взяться самимъ за умъ, пока не поздно, и, сказавъ иностранцамъ *hands off!* начать правильную эксплуатацію богатствъ этого обширѣйшаго края и постараться сдѣлать его оплотомъ могущества Россіи на океанѣ, — къ чему на Сѣверѣ есть всѣ данныя.

При этомъ я имѣю въ виду писать не ученый трактатъ, а сгруппировать личныя впечатлѣнія и замѣтки, частію уже появлявшіяся въ печати, частію дополненныя вновь собраннымъ матеріаломъ.

I.

Сѣверъ Россіи въ историческомъ отношеніи.

Въ бумагахъ покойнаго академика Миллера¹ и въ его книгѣ о Сибири² выясняется вопросъ о „морскомъ ходѣ“ изъ Европы въ Сибирь и, попутно, излагается вполне достовѣрная исторія возникновенія „сѣвернаго вопроса“ и его судьба. Прослѣдимъ эту исторію въ той ея части, что касается нашего морскаго дѣла, пользуясь имѣющимися въ настоящее время данными и указанною статьей г. Мордовцева, въ которой сдѣланъ очень тщательный сводъ ихъ.

Въ 1616 году тобольскій воевода, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, и дьякъ Иванъ Булыгинъ доносили царю Михаилу Ѳеодоровичу, что пріѣзжій торговый человѣкъ, дворянинъ Кондратій Куркинъ (или Курочкинъ), рассказалъ ему, воеводѣ, что онъ, съ своимъ товарищемъ Осипкомъ Щипуновымъ, дошедъ до устья рѣки Енисея, убѣдились, что „падетъ Енисея въ морскую губу, а губа морская того же Студенаго Моря, которымъ ходятъ Нѣмцы изъ своихъ земель кораблями къ Архангельскому городу, и проѣздъ съ моря къ Енисейскому устью есть“.³

Когда относить отъ устья ледъ, говорилъ Куркинъ далѣе, „въ тѣ поры и большими кораблями изъ Моря въ Енисею пройти мочно“. Такое необыкновенное извѣстіе подтверждено, при этомъ, Савой-Французениномъ, присланнымъ царемъ къ Куракину, который говорилъ: „тому лѣтъ съ семь ходили голанскіе Нѣмцы кораблями моремъ къ Мангазеѣ, а хотѣли пройти въ Енисею, и пришли-де того же лѣта къ себѣ назадъ; а сказывали, что-де лѣто было сивѣрно, льдомъ ихъ къ Енисею не пропустило, а только-де дождались бы полуденнаго вѣтру, и имъ бы-де въ Енисей пройти было мочно“.

¹ См. Д. Л. Мордовцева «Афоризмы»; стр. 47—147.

² Гер. Ф. Миллеръ «Описаніе Сибирскаго Царства», Сиб. 1750 г.

³ «Русская Историческая Библіотека», изд. археограф. комиссіи, т. II.

Куракинымъ приводится, кромѣ того, еще нѣсколько свидѣтельствъ, подтверждающихъ, что „морской ходъ въ Енисею есть“.

Не довольствуясь разспросами, онъ же писалъ къ воеводѣ г. Мангазеи, Воину Новокшенову, прося и его навести справки по тому же предмету. Куракинымъ руководило не одно праздное любопытство, — вопросъ былъ гораздо серьезнѣе, и дѣло шло о томъ, допустить ли „Нѣмцевъ“ морскимъ ходомъ“ до Мангазеи, самаго важнаго пункта тогдашняго Сибирскаго побережья, о которомъ мы скажемъ ниже.

Въ этихъ-то видахъ, Куракинъ наказываетъ Новокшенову: „а про то бѣ *торговымъ и промышленнымъ всякимъ людямъ* заказалъ накрѣпко, чтобы Нѣмцамъ въ Мангазею дорогъ не указывали ни въ которыя мѣста; а будутъ Нѣмцы съ торги и придутъ въ Енисею или въ Мангазею, и имъ съ ними торговать не велѣлъ: а буде мочно ихъ которыми мѣрами взяти въ городъ въ Мангазею до твоего государева указу“.

Что же за причина такой строгости и нежеланія пустить „Нѣмцевъ“ ходить къ намъ „морскимъ ходомъ“?

Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прослѣдить храткую исторію Мангазеи.

По завоеваніи Сибири Ермакомъ, волна русскаго переселенія захватывала все большее и большее пространство, а инородцы все болѣе и болѣе „приводились подъ высокую царскую руку“.

Для болѣе прочнаго водворенія въ этомъ краѣ русскои народности строились города и остроги.

При одномъ изъ такихъ остроговъ, на рѣкѣ Тазѣ, царскіе воеводы построили *магазинъ*, куда изъ Тобольска привозили всякій провіантъ и, въ особенности, хлѣбъ, къ употребленію котораго постепенно привыкали покоренные инородцы. Со временемъ около этого магазина выросъ „на мѣстѣ безопасномъ и веселомъ“ ¹ городъ, который и прозвали Мангазеей, перековеркавъ слово „магазинъ“.

Вновь основанному городу предстояла, повидному, широкая будущность. Стоя на пути Европы и отдаленнаго Востока, онъ естественно, привлекалъ вниманіе отпавныхъ мореходцевъ того времени, и они пытались, при помощи русскыхъ поморовъ, пробравшись моремъ въ Енисей, связать Англію, Голландію, Францію съ Китаемъ, Японіей и Индіей.

¹ Гер. Фр. Миллеръ «Описаніе Сибирскаго Царства». — Невольникъ «Изслѣдованіе о городахъ русскіихъ».

Изъ такихъ экспедицій извѣстны: Стефана Бурро, Вильгельма Баренца, Корнилиса Най, Бранта и др.

Эти экспедиціи не достигаютъ цѣли, но самимъ русскимъ по-морамъ болѣе посчастливилось.

При царѣ Борисѣ Годуновѣ, какъ видно изъ его грамоты, „били челомъ пѣнежане и мезенцы, промышленные люди, чтобы намъ ихъ пожаловати, велѣти имъ ѣздити промысли и торговати въ Мангазею, моремъ и Обью рѣкою, на Тазъ и на Пуръ и на Енисею“.

Царь Борисъ ходатайство это уважилъ.

Но въ наступившее за тѣмъ смутное время Россія натерпѣлась отъ иноземцевъ всякихъ „напастей и лихихъ дѣлъ“.

Весьма естественно, что по минованіи лихолѣтя и народъ Русскій и вновь воцарившаяся династія стали смотрѣть подозрительно на всѣхъ „Нѣмцевъ“, хорошо понявъ, что они доби-вались отъ Россіи обращенія ея въ такое же зависимое отъ себя положеніе, въ какомъ по отношенію Россіи были инородцы.

Осторожные и дальновидные политики, въ родѣ князя Куракина, не переставали дѣлать представленія царю, указывая на грядущую опасность. До насъ дошло много царскихъ отписокъ въ этомъ родѣ, и онъ не останавливался, какъ видно, и передъ рѣшительными мѣрами, когда нужно было не допустить иностранцевъ узнать про морской ходъ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: „а что колмогорецъ Еремка Савинъ сказывалъ тебѣ про нѣмецкихъ людей, что чаеть онъ по вся годы нѣмецкихъ людей приходу въ Карскую губу, а въ Мангазеѣ воеводѣ Ивану Биркину да Воину Новокшенову тотъ же Еремка говорилъ: того де онъ тебѣ не сказывалъ, что чаеть онъ по вся годы нѣмецкихъ людей въ Карскую губу (приходу) и ты бы того Еремку велѣлъ за то бити батоги нещадно, чтобы на то смотря инымъ было не по-вадно воровствомъ смуту затѣвать, и впредь бы си такимъ во-рамъ ни въ чемъ не вѣрять, а дѣлалъ всякія наши дѣла, смотря по тамошнему дѣлу, колко милосердый Богъ помочи дастъ.“

Такъ писалъ царь Куракину, но, въ то же время, не надо думать, что это были все „обскуранты“, „гасители просвѣщенія“, „душители свободныхъ сношеній народовъ между собой“—какъ склонны представлять это дѣло нѣкоторые наши „передовые“ писатели и г. Мордовцевъ въ томъ числѣ.

Далеко нѣтъ!

Тотъ же царь разрѣшаетъ торговымъ людямъ *рускимъ* пользо-ваться морскимъ ходомъ въ Сибирь; онъ велитъ скрывать этотъ

ходъ только отъ иностранцевъ. Князь Куракинъ доноситъ, на-
примѣръ: „и въ прошломъ, государь, въ 126 году и въ нынеш-
немъ въ 127 году, отъ Архангельскаго города въ Мангазею, по
твоему государеву указу, торговые и промышленные люди на кочахъ
съ товары и съ запасы пришли большимъ моремъ многіе люди“.

Кто въ состояніи представить себѣ тогдашнее „разоренье“
Русскаго Царства послѣ лихолѣтя, тому вполне ясно станетъ,
что пельзя было допустить иностранцевъ основаться въ такой
глуши, какъ Мангазея, что разъ основавшись тамъ, они вполне
завладѣютъ всею окрайной этой и не съ нашими тогдашними
силами надѣяться отбить у нихъ это только-что присоединенное
Царство Сибирское.

Кто же знаетъ дальнѣйшую исторію захватовъ нашихъ цивили-
зованныхъ сосѣдей, кто знаетъ, съ какою ловкостію они всегда
успѣваютъ отыскать „свои интересы“ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ,
казалось бы, о нихъ и рѣчи не можетъ быть, кто знаетъ за-
хватъ Англіей Индіи, Египта и пр.,—тому вполне понятна ста-
нетъ великая патріотическая заслуга такихъ „гасильниковъ про-
свѣщенія“, какъ Куракинъ, и народъ Русскій обязанъ ему вѣч-
ною благодарностію за то, что, заперевъ морской ходъ въ Сибирь,
онъ пресѣкъ иностранцамъ даже самую возможность искать тамъ
„свои интересы“. Кто же знаетъ сверхъ того и современное поло-
женіе дѣлъ на нашемъ Сѣверѣ, гдѣ, несмотря на неизмѣримо боль-
шую мощь и силу теперешней Россіи сравнительно съ Россіей
тогдашней, иностранцы систематически расхищаютъ наше достоя-
ніе и пытаются даже захватить Новую Землю, какъ имъ удалось
захватить Шпицбергенъ, тотъ не можетъ не согласиться, что очень
жаль, что, своевременно, тѣхъ нашихъ „дѣятелей“, которые хло-
потали о „свободномъ сліяніи“ съ иностранцами и о свободномъ
доступѣ для нихъ къ нашимъ исконнымъ угольямъ, по примѣру
Еремки Савина, „не били ботоги пещадно, чтобы на то смотря
инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать“...

Дальновидные политики, наши предки, которыхъ одно время
было принято обвинять въ глубокомъ невѣжествѣ, не останавли-
вались даже предъ тѣмъ, чтобы не только окончательно запереть
доступъ иностранцамъ къ нашему далекому Сибирскому краю,
но даже и своихъ торговыхъ людей туда перестать пускать,
весьма основательно понимая, что разъ эти послѣдніе будутъ
туда ходить, то и иностранцы отъ нихъ „дознаютъ о томъ
слухъ“, и тогда прощай богатства Сѣвера и Сибири.

Такъ послѣ князя Куракина, при воеводахъ Юріи Сулешевѣ и Ѳеодорѣ Плещеевѣ, былъ поставленъ острогъ на волокѣ между Мутною и Зеленою рѣкой, откуда служилые люди ходили по очереди къ морю „провѣдывать про нѣмецкихъ людей, чтобъ отнюдь въ Сибирь въ Мангазею нѣмецкіе люди водянымъ путемъ и сухими дорогами ходу не пропскали“ ¹.

Слѣдовательно, въ дѣлѣ охраны *нашего русскаго достоянія и нашихъ русскихъ* интересовъ, намъ, какъ и во многомъ другомъ, не мѣшаетъ поучиться у нашихъ „невѣжественныхъ“ предковъ,— при такихъ порядкахъ, конечно, не могли бы повторяться тѣ безобразныя явленія, которыя мы видимъ на нашихъ промыслахъ, гдѣ иностранцы, наканунѣ XX столѣтія, хитничаютъ и грабятъ подданныхъ могущественнѣйшей въ мірѣ Имперіи.

Тогдашніе неученые дипломаты и администраторы, видя, что рано или поздно все-таки „Нѣмцы“ проберутся къ нашимъ богатствамъ, пользуясь ихъ беззащитностію и отдаленностію отъ центра, гдѣ были сосредоточены тогда силы Россіи, не задумались прибѣгнуть даже къ такому „варварскому“, съ точки зрѣнія нашихъ доктринеровъ, средству, какъ обреченіе на гибель и самой этой Мангазеи, разсуждая что лучше пусть погибнетъ для насъ *одинъ* городъ, чѣмъ „Нѣмцы“ захватятъ всю Сибирь: Мангазея, лишенная своего торговаго значенія, постепенно и гибнетъ, теперь отъ нея не осталось и слѣда, даже самое названіе исчезло и на мѣстѣ прежней Мангазеи стоитъ теперь Туруханскъ. ²

А беречь отъ „Нѣмца“ было что! Вотъ что пишетъ тотъ же г. Мордовцевъ про Мангазейскую область.

„Область древней Мангазеи, доставившей столько безпокойствъ боярамъ царя Михаила Ѳеодоровича, которые опасались, чтобъ объ ней не проникли Нѣмцы, представляетъ одну изъ громаднѣйшихъ областей Восточной Сибири, славящейся, какъ извѣстно, своей „неисходимостію“. Простираясь въ длину по теченію Енисея, отъ устья Средней Тунгузки до гавани Диксона, гдѣ высадился Норденшпильдъ, на 1.700 верстъ и въ ширину отъ рѣки Таза до рѣки Анабары за 1.300 верстъ, Мангазейская область захватываетъ такимъ образомъ до 2.210.000 кв. верстъ. Это такая огромная площадь, что превышаетъ собою простран-

¹ Д. Л. Мордовцевъ. «Афоризмы», стр. 73.

² Неволипп. *Изслѣдованіе о городахъ русскихъ*, стр. 53.

ство всей Европейской Россіи.¹ Мало того, она больше всей остальной Западной Европы, а такія государства, какъ Германія, Франція и Австрія, составляютъ незначительные клочки земли въ сравненіи съ обширною Мангазейскою землею. Не даромъ боялся за нее князь Куракинъ, предчувствуя, что на нее будутъ зариться Нѣмцы, когда поближе узнаютъ ее. На пространствѣ бывшей Мангазейской области находятся обширныя залежи каменной соли, соляныя ключи, залежи каменнаго угля, графита, точильнаго камня, желѣзныя и мѣдныя руды. Есть даже золото. Великолѣнные лѣса этого края еще не трогала рука человѣка.²

Прибавьте къ этому неисчислимыя богатства рыбъ, всякаго звѣря въ лѣсахъ и на водахъ, плодородныя площади, годныя даже для „пашенныхъ дѣлъ“, рѣдкое географическое положеніе, дѣлающее изъ этой области важнѣйшій стратегическій пунктъ, — и тогда станетъ ясна заслуга Куракина и другихъ, оберегавшихъ „государевы“ интересы и мало заботившихся о томъ, что ихъ дѣятельность не согласуется съ космополитическими доктринами.

Не будь ихъ великаго, неопѣннаго исторіей подвига, кто знаетъ, не имѣли бы мы въ этихъ краяхъ своего Египта и не очутились ли бы мы въ положеніи Турціи отъ тѣхъ „Нѣмцевъ“, кои успѣли бы укрѣпиться въ Мангазее.

Но, повторяю, предки наши руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ не доктринами, а „государевой“ выгодой, и мы хотя и лишились Мангазеи, хотя и не развили до сихъ поръ почти вовсе производительныхъ силъ нашего Сѣвера, но зато и поднесъ Русскій Царь, какъ и въ тѣ времена „вся Сѣверныя земли обладатель“, „отчичъ и дѣдичъ“, и, съ развитіемъ нашего національнаго сознанія, съ увеличеніемъ нашего народонаселенія, мы *всегда*, на зависть „Нѣмцамъ“, можемъ начать пользоваться нашими богатствами, сохраненными намъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ!..

Когда будемъ говорить о развитіи торговли и промысловъ нашего Сѣвернаго побережья, тогда мы снова коснемся исторіи этого интереснаго края, пока же для дальнѣйшаго изложенія, мнѣ кажется, довольно и вышесказаннаго, чтобы понять значеніе этихъ окраинъ.

¹ *Афоризмы*, стр. 84.

² Мордовцевъ нѣсколько увлекся: пространство Европейской Россіи 5,047,564 кв. верстъ, но и 2 милліона верстъ, конечно величина почтенная.

II.

Исторія Мурманскаго побережья.

Изложивъ въ предыдущей главѣ историческія преданія, касающіяся всего нашего Сѣвернаго побережья вообще, заглянемъ теперь въ исторію той его оконечности, которая наиболѣе важна для Россіи въ военно-морскомъ отношеніи—въ исторію Мурманскаго берега.

Страницы ея, на которыхъ предки наши на Сѣверѣ вписали свои дѣянія, могутъ по праву занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ хроникахъ всякаго народа.

Современное европейское мореходство началось не на изнѣженномъ югѣ, а среди отважныхъ и закаленныхъ сыновъ крайняго Сѣвера.

Не даромъ всѣ западныя націи съ гордостію ведутъ свои лучшіе роды отъ Нормановъ: эти послѣдніе, въ началѣ среднихъ вѣковъ, высылали почти все свое мужское населеніе въ море, и эти отважнѣйшіе моряки распространили славу своего оружія до крайнихъ предѣловъ вѣдомаго тогда міра.

Намъ, Русскимъ, и въ этомъ отношеніи не слѣдъ завидовать сосѣдямъ, — наши предки и на поприщѣ морскомъ не срамили Земли Русской.

Съ тѣхъ поръ, какъ западный берегъ Біарміи именуется *Мурманскимъ*, онъ былъ въ обладаніи *Мурманъ*, Новгородскихъ Славянъ, которые приняли это исковерканное имя отважныхъ морскихъ наѣздниковъ-Норманновъ.

Коренные жители Біарміи окончательно покорены Новгородцами въ XI вѣкѣ, повѣствуетъ двинскій лѣтописецъ, но уже въ IX вѣкѣ купцы Великаго Новгорода усѣяли своими факторіями всѣ главнѣйшія рѣки Біарміи, а упорные язычники изъ другихъ мѣстъ тогдашней Россіи, бѣжавъ на сѣверъ со своими богами, еще болѣе усилили здѣсь славянскій элементъ.

Новгородцы, хотя и сдѣлали своими данниками „юргѹ“ и „сомоядь“, имѣли самыя смутныя понятія о Сѣверѣ:—„юрга людіе есть языкъ нѣмъ“, „суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великій и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяше высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и ту дѣ молятъ, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дастъ имъ ножъ ли, сѣвиру ли, даютъ скорою (шкурами) противу“—и „сами видѣли“, какъ: „спадѣ туча, и въ той тучѣ спадѣ вѣверица млада, акн теперево рожена, и взростши, и расходится по ней, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленцы мали въ ней, и возрастають и расходятся по землѣ“, ¹—но владѣли сѣвернымъ поморьемъ и извлекали выгоды изъ всѣхъ этихъ чудесныхъ „вѣверицъ“ и „оленцовъ“ такъ, какъ только можно пожелать и намъ въ настоящее время.

Берега Сѣвернаго океана, особенно на торговомъ пути къ устью Двины, столь мало извѣстны намъ теперь, были извѣстны въ глубочайшей древности, и остается только удивляться, почему мы, столь много интересующіеся древностями Адтековъ, Индійцевъ, Австралійцевъ и иныхъ народцевъ, куда и воронъ не заносилъ ни одной славянской кости, совершенно не хотимъ знать нашихъ древнихъ сельбищъ, гдѣ наши предки сложили свои буйныя головы, создавая будущее могущество Руси родной...

Или и въ этой области мы будемъ продолжать, по слѣдамъ Нѣмцевъ и по ихъ указкѣ, разыскивать корни и слѣды совершенно чуждыхъ намъ дикарей и оставимъ нашу исконную отчину и дѣдану—нашъ богатѣйшій Сѣверъ—въ добычу хищному врагу всего Славянства?

Коренная русская рѣка, красавица Сѣверная Двина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ дельту, расширится до шестидесяти верстъ. Группа ея острововъ, образуя болѣе тысячи квадратныхъ верстъ пространства, тянется до самаго взморья, и здѣсь пскони обитало крѣпкое, красное, чисто-славянское племя, селясь на привольѣ, по естественнымъ каналамъ-рукавамъ рѣки-кормилицы..

Еще въ языческія времена существовали здѣсь обширное торжище и славившееся на весь міръ капище *Юмамы*. Сюда пріѣзжали моремъ гости и вожди скандинавскіе, а съ материка

¹ Полное собраніе лѣтописей I, 107 и III, 5.

стекались народы изъ Перміи, Болгаріи, Великаго Новгорода. Черезъ эти же страны Двиняне, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Среднею Азіей, Греціей и Италіей. Такимъ образомъ, этотъ заброшенный нынѣ край зналъ весь тогдашній образованный міръ: Норманы называли его *Гольмъ-Гардъ* (островная земля), а Греки — *Бѣлою Сарматіей*. По отзыву византийскихъ писателей, городъ *Ункратъ*, лежавшій на крайнемъ сѣверѣ подлѣ океана, превосходилъ богатствомъ всѣ города, какъ Бѣлой, такъ и Черной Сарматіи.¹ Стурлезонъ, въ скандинавскихъ лѣтописяхъ, рассказываетъ о богатствахъ капища Юмалы. На головѣ истукана блистало золото съ драгоценными камнями; его ожерелье цѣнилось во 150 фунтовъ золота; на колѣняхъ у него стояла, съ золотою монетою, золотая чаша такой величины, что четыре человѣка могли досыта изъ нея напиться, а одежда его превосходила цѣной грузъ богатаго корабля.

Св. Олафъ, первый христіанскій король Норвегіи, послалъ норвежскихъ купцовъ на ярмарку Юмалы. Купцы эти, покончивъ торги, предъ отъѣздомъ вздумали ограбить храмъ. Они зашли воровски въ капище въ глубокую ночь и взяли все, что могли.

Желая снять также и ожерелье, крѣпко привязанное къ идолу, они отсѣкли ему голову. Отъ шума стража пробудилась и начала трубить въ рога. Хищники бросились бѣжать. Жители съ криками бѣжали за ними, и хотя и окружили со всѣхъ сторонъ, но, будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, ничего не могли подѣлать съ отважными грабителями, которые успѣли добраться до своихъ кораблей и скрыться.

Вотъ какая непочтенная давность существуетъ за Норвежцами въ отношеніи грабежей богатствъ нашего Сѣвера!..

По свидѣтельству Нестора-лѣтописца, Самоѣды въ XI вѣкѣ платили дань Новгородцамъ, имѣвшимъ свою колонію въ низовьяхъ Печоры; дань эта была такъ заманчива, что даже великіе князья въ XII вѣкѣ требуютъ себѣ „печорской дани“.

Хотя Кольскій острогъ выстроенъ Двинянами только въ XIII вѣкѣ,² но нельзя сомнѣваться, что на берегу Кольскомъ и по Варангерскому заливу Новгородцы селились издавна. Такъ, исландскія саги неоднократно повторяютъ, что за норвежскимъ

¹ Историческій взглядъ на Варангерское поморье, ст. О. Бѣломорскаго, лучшая изъ извѣстныхъ мнѣ историческихъ работъ по этому вопросу.

² *Собран. Государств. Грамотъ и Договоровъ*, т. I, стр. 2.